Майское заседание историко-психологического-клуба, 15.05.2020

ТЕЗИСЫ ОППОНЕНТА

Малышко Н.Ю

Бессмертие человеческой личности в свете энергетической концепции В. М. Бехтерева

Имя В. М. Бехтерева широко известно, ведь он как психиатр поставил И. В. Сталину диагноз «паранойя», как невропатолог исследовал мозг налётчика Лёньки Пантелеева на наличие в нем физиологических основ его преступной гениальности, как физиолог создал микстуру, оказывающую седативное воздействие и названную его именем. Но мало кому известно, что Владимир Михайлович, как психолог и философ, пробовал свои силы в решении вопроса смысла жизни и бессмертия личности. Эту научную проблему В. М. Бехтерев, как искренний сторонник объективной науки, пытался решить в самый разгар Первой мировой войны в своей работе «Бессмертие человеческой личности как научная проблема».

В начале текста В. М. Бехтерев утверждает, что «вопросы о “вечной жизни” и вопросы о бессмертии человеческой личности» особо настойчиво выступают перед каждым человеком, ведь «чего стоила бы сама жизнь», если бы «умственная или духовная жизнь кончалась вместе с тем, как велением рока обрывается биение сердца»? Автор дополняет это высказывание суждением о том, что «если нет бессмертия, то в жизни нет и морали, и тогда выступает роковое: “все дозволено!”». В основе этой фразы, гласящей, что «без вечного духа» немыслима этика и стремления к лучшему будущему, лежит идея исключительной выводимости человеческой морали и возможность нравственного поведения индивидов из факта существования бессмертного духа.

В своих рассуждениях В. М. Бехтерев решает опираться на открытия физиками в начале XX века феномена рентгеновских лучей и закон постоянства энергии, который гласит, что «энергия может подвергаться превращению из одного ряда в другой, но она не тратится и не убывает». Энергия, с его точки зрения, «должна быть признана единой сущностью во всей Вселенной», она является первоосновой, «непознаваемой в своей сущности», из которой сформировалось всё, «не исключая и движения нервного тока». Следовательно, В. М. Бехтерев, утверждая, что энергия непознаваема, стирает грань между знанием и верой, наукой и религией, но, предвосхищая будущие упрёки в отходе от научности, он ссылается на брошюру Хвольсона «Знание и вера», утверждавшей, что в физических гипотезах «господствует вера, а не научные доказательства».

Свой подход В. М. Бехтерев называет эволюционным монизмом, в котором и живая, и мертвая природа подчинены закону эволюции, «по которому одно развивается из другого и которым обеспечивается поступательный ход всего сущего». Мировая энергия, по В. М. Бехтереву, «служит началом и материального, и духовного мира, следовательно, в потенциальном состоянии она должна содержать в себе и материальное, и духовное». Из этого тезиса Владимир Михайлович выводит ограниченность человеческого мышления и науки, которая имеет пределы, т. к. черпает «материал лишь из видимого материального мира». Из вышеизложенного следует, что русский учёный воспроизводит для науки о человеке две идеи: независимость объективного и субъективного и отказ от ньютонианского идеала рациональности, выражающегося в возможности познать абсолютную истину.

Русский невролог указывает, что рефлексология изучает духовный мир, или нервно-психическую деятельность как совокупность «сочетательных рефлексов, имеющих свои внешние причины или внешние воздействия, предоставляя в то же время субъективной психологии изучать проявление субъективного характера этих рефлексов путем самонаблюдения». Т. е. духовный мир человека объективно познаётся как некая форма, из которой исключено субъективное содержание, изучение которого возможно только при помощи интроспекции. В. М. Бехтерев, несомненно осознавая противопоставление физического и психического, пытается его преодолеть через утверждение факта того, что «сознательное ... или, выражаясь философским языком, духовное связано с задержкой нервного тока», который является «трансформированной физической энергией». Таким образом, сознание или «субъективные процессы» являются производной нервной импульсации и представляют собой результат задержки «наивысшего напряжения энергии в центрах». Между «нервно-психической и так называемыми физическими энергиями» нет «никакого противоположения ..., а наоборот имеется взаимоотношение основанное на переходе одной в другие и обратно».

По существу, В. М. Бехтерев встаёт на путь редукционизма, утверждая, что между нервической деятельностью животного, атомными процессами в ядре Солнца, локомоциями инфузории-туфельки и любовью женщины к мужчине нет качественных различий, либо качественные различия и развитие этих качеств фатально предопределены, т. к. они являются производными «одной мировой энергии, в которой потенциально должны содержаться как все известные нам физические энергии, так равно и материальные формы их связанного состояния и, наконец, проявления человеческого духа». Следовательно, рефлексология перерастает в универсальное энергетическое мировоззрение, в котором энергия есть всё и всё есть энергия. Помимо этого русский учёный указывает, что «мировая энергия в конце концов дает начало

высоким моральным достижениям человеческой личности». Исходя из этого следует, что редукционизм В. М. Бехтерев дополняет телеологизмом, т. к. в энергии, как таковой, по его мнению, потенциально наличествуют материальные формы человеческой деятельности. Данная идея может быть проиллюстрирована таким образом, что идеальные образы «Давида» Микеланджело и «Герники» Пикассо присутствовали в мировой энергии задолго до того, как началась эпоха Возрождения и Гитлер пришёл к власти в Германии. Следовательно, тезисы непознаваемости энергии и ограниченности человеческого познания дополняются постулированием идеи примата духовного над материальным, ведь В. М. Бехтерев открыто признаётся, что «мир есть мир духовный, только употребляющий материю для своего обнаружения», но «существа самой энергии мы все же не знаем. Оно для нас непостижимо». Вероятно, предвосхищая замечания о том, что энергия-единосущность и примат духа над материей неизбежно вызывают реминисценции на тему христианского Бога, В. М. Бехтерев декларирует, что для него недопустим «антропоморфизм ... с логической точки зрения», т. е. он отрицает антропоморфного Бога-сына, но не нематериального Бога-отца.

Личность и общество В. М. Бехтерев рассматривает во взаимосвязи, ведь «человек является существом, принявшим от рождения известную часть биологического богатства своих предков, а затем получившим путем усвоения при воспитании результаты опыта старших поколений и в том числе моральные приобретения, сделанные ранее другими лицами, находящимися с ним в общении». В этом утверждении русским психиатром указывается первостепенная роль общения, которое играет роль посредника в усвоении культурного опыта и участвует в формировании человека, как существа коммуникационного. В то же время мировое сообщество или общечеловеческую личность В. М. Бехтерев рассматривает как нейронную сеть, в которой всё взаимосвязано и все люди друг на друга влияют, в результате чего создаётся единое взаимозависимое духовное пространство, которое имеет уровневое строение: 1. общечеловеческая личность (род человеческий), 2. народная личность (государство), 3. духовная личность среды (группа), 4. человеческая личность (человек). Именно поэтому В. М. Бехтерев считает, что «человек, умирая физически, не умирает духовно, а продолжает жить и за гранью телесной формы человеческой личности», ведь идея «социального бессмертия всякого вообще человека ... вытекает из положения о неисчезании энергии во внешнем мире».

Социальное бессмертие личности реализуется через соучастие в коллективной деятельности по совершенствованию «человека вообще и в создании духовной общечеловеческой личности», «в той сознательной деятельности, которую проявила данная личность в течение жизни и которая входит, как известная частица в общечеловеческую духовную культуру».

Развивая принцип творческой активности человека В. М. Бехтерев пишет, что «бессмыслен и страх смерти, столь свойственный многим», ведь личность, преобразующая всё вокруг себя должна думать не о смерти, а о жизни. Ведь «жизнь, как и весь мир, не есть покой, а беспрерывное движение и деятельность», стремление к реализации собственных потенциальных возможностей. «Склонность к труду, а следовательно, и к совершенствованию» В. М. Бехтерев считает основным способом развития человеческой личности, ведь в труде совершается духовный прогресс, который отличается от биологического прогресса, в основе которого лежит естественный отбор. Общественное развитие и социальный отбор основаны на сотрудничестве и разделении труда, поэтому свою работу Владимир Михайлович завершает оптимистическим утверждением о том, что «мировой процесс, двигаясь по тому же пути, приведет в конце концов путем прогенерации человеческого рода к созданию того высшего в нравственном смысле человеческого существа – назовем его прогенеративом – которое осуществит на земле царство любви и добра».

Резюмируя вышеизложенное, автор признаёт факт научной смелости В. М. Бехтерева, который не побоялся расширить гносеологические границы науки и включить в неё изучение такого сложного феномена как бессмертие личности. Достойно уважения стремление отечественного невролога осмыслить новые научные открытия для того, чтобы включить эти знания в науку о человеке, в то же время осознавая незавершённость научной картины мира и человека в целом. В. М. Бехтерев искренне пытался построить единую и целостную теорию, которая бы объясняла мир и человека во всех их противоречиях, именно поэтому в его работе одновременно появляются тенденции телеологии и редукционизма. Помимо этого Владимир Михайлович пытался сдвинуть в сторону демаркационную линию, отделяющую науку от не-науки, задолго до постпозитивистов, и увидел значимость опыта предыдущих поколений, усвоение которого посредством общения придаёт человеку облик человеческий. И самое главное, что Владимир Михайлович указывал на значимость труда в формировании нравственности личности, которая объединяется с другими в совместно-разделённой деятельности, оптимистическая цель которой – совершенствование всех людей вместе и каждого в отдельности.

Помимо этого, стоит отметить ряд ошибок и заблуждений в рассуждениях Владимира Михайловича, который, во-первых, не рассматривал психику как феномен, ведь в теории эволюционного монизма, противостоящей теории психофизического параллелизма, психика тождественна рефлекторной деятельности организма и является напряжением нервного тока. Таким образом психофизиологическая проблема в механистической концепции В. М. Бехтерева снимается путём простого сведения психического к физиологическому, психики к

поведению, понимаемому как совокупность реакций на раздражители из окружающей среды. Во-вторых, В. М. Бехтерев использует термины рефлекс и энергия абстрактно, т. е. объём данных понятий растёт и стремится к бесконечности. Следовательно, содержание понятия стремится к нулю, в результате чего данный термины являются лишь таксономическими ярлычками, которые могут быть навешены на всё, что угодно. Помимо этого, использование псевдопонятия рефлекс, которое в его чистой форме есть категория биологическая, приводит к редукционизму и биологизированию психических процессов и общественно-исторических явлений. Как отмечал Л. С. Выготский: «всё – и сон, и мысль, и работа, и творчество – оказывается рефлексом ... Анна Каренина и клептомания, классовая борьба и пейзаж, язык и сновидение – тоже рефлекс». Что касается термина энергия, то В. М. Бехтерев в «энергетическом» своём увлечении договаривается до панпсихизма, до одушевления растений и животных и не отвергает гипотезу о бессмертной душе. Следовательно, рефлексология «стоит на позиции чистейшего идеализма и дуализма, который правильно было бы назвать идеализмом наизнанку». Ведь «материализм чистейшей воды – отказаться от психики, но только материализм в своей области; вне ее это чистейшей воды идеализм – выделять психику и ее изучение из общей системы поведения человека». В-третьих, Владимир Михайлович, сознание, личность и общество выводит напрямую из мировой энергии, которая одна в себе содержит все формы соединений материи, что по существу лишает человека свободы воли и возможности выбора и изменения мира, ведь он есть марионетка, которой управляет Энергия. Данный факт отмечал ещё С. Л. Рубинштейн, когда писал, что «бехтеревская рефлексология, противопоставившая себя идеалистической психологии, была на самом деле лишь её оборотной стороной: бездейственная сознательность и бессознательная действенность являются абстрактными моментами одного и того же сознания, которые абсолютизируются сторонниками того или иного подхода». В-четвёртых, В. М. Бехтерев, стремясь преодолеть на философско-методологическом уровне картезианство, пришёл к двуопытности И. Канта, по существу поменяв шило дуализма на мыло агностицизма. Стоит отметить, что являясь материалистом в своей конкретно-научной области, Владимир Михайлович не смог им остаться на философском уровне и двигался в своих рассуждениях в сторону объективного идеализма, в котором первосущностью является энергия.

Вместе с тем стоит отметить, что эти ошибки и заблуждения В. М. Бехтерева позитивны в том смысле, что они показали идущим следом за ним исследователям правильный путь. Эти ошибки и заблуждения В. М. Бехтерева являются результатом честного и аутентичного стремления к познанию настоящего учёного. Эти ошибки и заблуждения В. М. Бехтерева являются, не конформно принятой верой в догмат, а его истинным открытием и получены в результате долгого и кропотливого труда. Эти ошибки и заблуждения В. М. Бехтерева сияют

как Сириус на небосводе науки, т. к. они более привлекательны, чем некоторые верифицируемые, фальсифицируемые, логически-непротиворечивые и от этого ограниченные теории.